
Андрей Гусев
Теплый лад

Андрей Гусев

Тёплый лад

«Автор»
2026

Гусев А.

Тёплый лад / А. Гусев — «Автор», 2026

Ясна и Ярим просыпаются в приветливом Радушье и обнаруживают, что разучились чувствовать привычную радость. Найденный в траве Скреп, маленький механический спутник с треснувшим корпусом, отправляется с ними искать ответы. Дорога ведёт через Сумеречные Плёсы к скованному Стужей Роднику.По пути они встречают тех, кому нужна помощь, ошибаются, спорят и понемногу сближаются. Но чем ближе источник холода, тем заманчивее обещание покоя, в котором больше не придётся испытывать боль. Чтобы освободить Родник, каждому предстоит сделать собственный выбор — и доверить другим то, чего нельзя решить самим.«Тёплый лад» — сказочная повесть о дружбе, зарождающейся любви и трудном умении оставаться рядом, когда одного доброго намерения мало.

© Гусев А., 2026
© Автор, 2026

Андрей Гусев
Тёплый лад

Глава 1. Радушье

Под яблоней

Когда Ясна проснулась, над ней качалась яблоневая ветка. На нижнем листе держалась капля. Она давно уже собиралась упасть, но всякий раз передумывала; по крайней мере, так показалось Ясне.

— Если смотреть на неё так пристально, она решит остаться, — сказал Ярим.

Он сидел рядом и снимал с рукава репейник. Работа требовала терпения: колючка уцепилась за нитку и, кажется, намеревалась унести её с собой.

— А если отвернуться? — спросила Ясна.

Они отвернулись. Когда Ясна снова посмотрела на лист, капли уже не было.

— Ушла! — сказала она и повернулась к Яриму.

Он освободил нитку и тоже поднял глаза. Обычно от таких открытий Ясна улыбалась первой, а Яриму оставалось решить, соглашаться с ней или проверить самому. Он и сейчас всё это помнил, даже приготовился улыбнуться. Но улыбка как будто остановилась где-то далеко и не дошла до лица.

За плетнём лежала дорога. На крышах грелось солнце, пахло яблоками и дымом. Где-то хлопнула калитка, и невидимый хозяин что-то сказал собаке. Собака ответила коротко и, судя по всему, по делу.

Ясна приложила ладонь к груди. Ей хотелось, чтобы утро отозвалось привычным теплом, но внутри было тихо, словно за закрытой дверью. Трава щекотала запястье, понемногу просыпался голод — всё это она чувствовала. И всё же чего-то очень важного не хватало.

— У тебя тоже? — спросила она.

— Скажи сначала, что у тебя.

— Будто дверь закрыли. А я даже не помню, куда она вела.

Ярим некоторое время смотрел на плетень.

— А у меня будто вынесли вещи из знакомой комнаты. Я помню, где что стояло, только войти и взять не могу.

Закрытая дверь и опустевшая комната — не одно и то же. Может быть, и с путниками случилось разное; пока они знали об этом слишком мало.

— Там дома. Пойдём спросим, — сказала Ясна.

Ярим поднялся и подал ей руку. Ясна ухватилась за неё, стряхнула с одежды траву и только потом заметила, что всё ещё держит его пальцы. Он не потянул её к дороге. Просто ждал, пока она сама разожмёт ладонь.

— Ноги не затекли? — спросил он.

— Уже нет.

Почему-то после этого стало немного неловко смотреть ему прямо в лицо.

Она уже шагнула к дороге, когда Ярим окликнул её. В траве между камнем и плетнём лежало маленькое круглое существо. Один бок у него был помят, а крышечка на груди треснула. Под ней тускло светилось что-то похожее на стеклянное зёрнышко.

Ясна присела и протянула руку.

— Осторожно, — сказал Ярим. — Вдруг ему больно.

— А вдруг он вообще не живой?

— Тогда вряд ли он сейчас пошевелит ногой.

Нога действительно шевельнулась. Существо открыло глаза, посмотрело на Ясну, потом на Ярима и нахмурилось так, словно получило задачу с лишним условием.

— Вы оба здесь, — произнесло оно.

— Ты нас знаешь? — спросила Ясна.

— Меня зовут Скреп. Остальное… — Он попытался сесть и снова опустился в траву. — Остальное предлагаю выяснять, когда земля перестанет качаться.

— Она не качается, — заметил Ярим.

— Тогда дело сложнее, чем я рассчитывал.

Ясна придерживала Скрепа, а Ярим подложил ему под спину свёрнутый платок. Потом оба подождали, пока он сам не попробует подняться. На этот раз получилось. Скреп постоял, расставив ноги, и осторожно постучал по крышечке.

— Держится. Уже хорошо.

— Кто тебя так? — спросила Ясна.

— Я пока не готов ответить.

Она хотела спросить ещё, но тут у Скрепа под ногой поехал круглый камешек, и он вцепился ей в рукав. Вопрос пришлось отложить. Ярим предложил дойти до домов: если там есть кузнец, он сумеет посмотреть повреждённый бок. Скреп подумал и согласился, попросив только не нести его без крайней необходимости.

Так они и пошли: Ясна впереди, Скреп рядом с ней, Ярим с другой стороны, чтобы успеть подхватить спутника, если камешков окажется больше одного.

Узелок на плетне

Дорога пахла пылью и нагретым сеном. За плетнём тянулся сад. Под ветками лежали целые яблоки, поклёванные и объеденные до сердцевины. Кто бы здесь ни завтракал, делал он это основательно.

На столбике у развилки висел полотняный узелок. Ткань выцвела, а узел завязали совсем недавно. Ясна сняла узелок, и внутри что-то тихонько звякнуло.

— Потеряли? — спросила она.

Ярим показал на дощечку под узелком. Буквы на ней были неровные, но разборчивые: «Кому в дорогу понадобится — возьмите. Вернётесь — пополните».

В узелке лежали несколько мелких монет, два блестящих камешка и сложенная полоска чистой ткани. Ясна взяла ткань для Скрепа, а монеты и камешки оставила.

— Потом надо будет вернуть, — сказала она.

— Или положить что-нибудь полезное, — уточнил Ярим. — Не обязательно то же самое.

Скреп с позволения Ясны осмотрел полоску, сложил её вдвое и подвязал крышечку на груди. Ходить сразу стало легче: крышечка больше не стучала при каждом шаге.

— Удивительно разумная дощечка, — сказал он.

— А без дощечки ты бы взял? — спросила Ясна.

— Без дощечки я бы составил список возможных владельцев.

— Длинный?

— Отсюда до конца дороги. Если дорога не повернёт.

Она как раз повернула. За поворотом из травы донеслось негромкое:

— Да стой же ты!

Кому это было сказано, путники увидели не сразу. Над цветком клевера трепыхался огонёк — не больше яблока, золотистый, с тонкими ручками. Он пытался освободить из травы длинный стебель, который пригнулся и зацепился за сухую веточку. Стоило приподнять стебель, как веточка выскальзывала и снова за него цеплялась.

— Помочь? — спросила Ясна.

Огонёк обернулся. Он так изумился, что выпустил стебель, и тот мягко качнулся обратно.

— Ты меня видишь?

— Вижу. И Ярим, кажется, тоже.

— Вижу, — подтвердил Ярим. — Держи стебель повыше. Я уберу веточку.

Огонёк послушался. Ярим осторожно вытащил сухой сучок, и клевер выпрямился. Несколько мгновений все смотрели, как он покачивается.

— Теперь до вечера достоит, — сказал Огонёк. — Пчёлы сюда прилетают. Они сегодня поздно, я уже беспокоился.

Из-за плетня донеслось сонное жужжание. Огонёк обрадованно метнулся навстречу первой пчеле, но тут же вернулся.

— Вы куда идёте?

— К домам, — сказала Ясна. — Нам нужно узнать, что здесь происходит. И Скрепу хорошо бы найти мастера.

— У Отрады в чайной можно спросить. Только по дороге иногда мешаются всякие. Я провожу, если хотите.

— Хотим, — ответила Ясна. — А пчёлы?

— Пчёлы сами знают, что делать. Я только цветок придержал.

Он устроился на плече у Скрепа. Тот сперва вытянул шею, пытаясь разглядеть нового знакомого, потом решил, что так идти неудобно.

— Я умею помогать, когда кто-нибудь ушибётся, — сообщил Огонёк. — Не сразу всё проходит, зато легче.

— Очень кстати, — сказал Скреп и придержал повязку.

— А у меня есть такой дар? — спросила Ясна.

— Можно попробовать, — ответил Огонёк. — С чего тебе хотелось бы начать?

Она подумала о пустом месте внутри, о том, как Скреп едва удержался на ногах, и о протянутом Яримом платке.

— Я бы хотела помогать, когда кому-то больно.

— Тогда попробуй Радость. Только не торопи её.

Ясна раскрыла ладонь. Ничего особенного не случилось. Пчела пролетела мимо её носа и села на клевер. Огонёк сказал, что это тоже хорошее начало, хотя Ясна подозревала: он говорит так, чтобы она не огорчалась.

«А вдруг»

Вскоре плетень кончился, и дорога пошла через луг. Впереди темнела полоска кустов, за ней виднелась крыша с круглой трубой. Из трубы поднимался дымок.

— Чайная? — спросил Ярим.

— Похоже, — сказал Огонёк.

В этот миг в кустах кто-то шепнул:

— А вдруг?

Ясна остановилась. Шёпот повторился справа, потом слева, и из травы выкатилась серая спутанная фигура. Она была похожа на клубок сухих стеблей, который никак не мог решить, куда ему катиться.

— А вдруг? А вдруг?

— Что именно? — спросила Ясна.

Клубок дёрнулся и бросился к ней. Она отскочила, но он снова оказался перед ней. Стебли хлестнули по сапогу; Ясна замахнулась палкой, найденной у плетня. Удар пришёлся в середину клубка, и тот рассыпался на несколько прядей. На мгновение дорога освободилась — а потом пряди сплелись снова, уже вокруг её ноги.

Ясна потянула ногу к себе и упала на колено. Внутри по-прежнему было пусто, а колено болело по-настоящему.

— Не тяни! — крикнул Ярим.

Он заметил, что одна прядь держится за корень у дороги. Пока Ясна освобождала ногу, он придавил эту прядь палкой. Скреп подбежал к ним, но близко подходить не стал.

— Навязень, — сказал он. — Он не отвечает на вопрос. Похоже, он просто повторяет его.

— Тогда что делать? — Ясна выдернула сапог, но клубок уже катился к Яриму.

— Разделить и не дать снова собраться. Огонёк, не стой у него на пути!

— Я здесь нужен, — ответил Огонёк и нырнул к Ясне. — Покажи колено.

Тёплая искра коснулась ушиба. Боль не исчезла целиком, но Ясна смогла встать и опереться на ногу. Она схватила палку покрепче. На этот раз ударила не в середину: прижала к земле конец пряди, на которую указал Ярим.

Скреп ухватил другую и потянул. Ярим поддел палкой третью. Навязень зашелестел громче:

— А вдруг, а вдруг, а вдруг!

Потом голос стал тоньше, будто его уносило ветром. Последняя прядь выскользнула из рук Скрепа и рассыпалась сухими пылинками. На дороге остались только их следы и примятая трава.

Ярим не сразу убрал палку. Огонёк поднялся к его лицу и посветил в сторону кустов. Там ничего не шевелилось, кроме листьев.

— Кажется, всё, — сказал Скреп.

— А я думала, ударю — и всё, — сказала Ясна, разглядывая царапины на сапоге.

— Я ждал, что он ответит. — Скреп отряхнул ладони. Между пальцами застряла сухая травинка. — Пришлось смотреть, что он делает.

Ясна выпрямилась. За кустами виднелась та же крыша; до неё, казалось, можно было добежать за минуту. Она сделала шаг, поморщилась и подождала, пока Скреп поправит повязку.

Из-за кустов донёсся звон посуды. Оттуда потянуло дымом и чем-то травяным. Огонёк приподнялся в воздухе.

— Отрада сегодня дома, — сказал он. — Это её чайник так сердится, когда его забывают на огне.

Они пошли дальше, и на этот раз Ясна не торопилась обогнать остальных.

Цветок по линейке

От чайной доносился перестук посуды. Ясна прислушалась: теперь чайник не сердился, а посвистывал, будто ему налили свежей воды и он решил помириться со всем светом.

У дороги торчал старый пень с неглубокой выемкой. В ней лежала жёлтая искорка. Не такая живая, как Огонёк, и поменьше: то светилась, то совсем пропадала, словно вспоминала что-то приятное и всякий раз немного стеснялась.

— О, Вдохновение, — сказал Скреп. — С дороги его не видно.

— А я увидел, — сказал Огонёк.

— Теперь и мы увидели.

Ясна протянула ладонь, и искорка перекатилась на неё. Пальцы чуть потеплели. Она вдруг ясно представила, как можно было бы подвязать треснувшую ветку яблони, мимо которой они прошли у плетня. Мысль пришла целиком, с верёвочкой и деревянной подпоркой, хотя ветка давно осталась позади.

— Надо будет вернуться, — сказала Ясна.

— Куда? — спросил Ярим.

— Там ветка над дорогой треснула. Я только сейчас вспомнила.

Ярим оглянулся. Дорога за ними сворачивала у луга, и яблоню отсюда было не разглядеть.

— Вернёмся. Только сначала найдём того, кто нам объяснит, почему мы лежали под ней.

С этим Ясна согласилась. Хотя, если сказать по правде, ветка уже крепко устроилась у неё в мыслях и уходить оттуда не собиралась.

Они прошли ещё немного и услышали ровный металлический стук: раз, два, раз, два. У обочины, возле куста шиповника, стояло существо в сером и проводило на земле прямую линию. Оно передвигалось маленькими точными шагами, а в руке держало не то планку, не то линейку. Под каждым её ударом трава пригибалась и некоторое время не поднималась.

Прямо на черте рос цветок с синими лепестками. К его стеблю была прижата узкая серая полоска. Цветок тянулся к свету, но полоска держала его наклонённым к земле.

— Отклонение зафиксировано, — произнесло существо и ударило линейкой рядом со стеблем. — Начинаю коррекцию.

— Подожди! — Ясна шагнула к нему. — Ты же его сломаешь.

Существо повернулось. Лица под узким козырьком она толком не увидела; зато услышала, как внутри него что-то щёлкнуло.

— Положение исправляется. Не препятствуйте.

— Он растёт, — сказала Ясна. — Цветку положено расти.

— По установленной линии.

Скреп остановился позади неё. Краешек тканевой повязки выбился из-под его руки. Он быстро поправил его, хотя крышечка на груди и так держалась.

— Это Инспектор Правил, — сказал он. — Ясна, отойди немного.

— А цветок?

— Я ещё смотрю, как его освободить.

Ярим обошёл шиповник с другой стороны. Серая полоска уходила от цветка к колышку, который Инспектор вбил у самого края дороги; её свободный конец был прижат плоским камнем. Ярим присел и потянул за колышек. Тот не сдвинулся, а полоска натянулась, и цветок согнулся ещё ниже.

— Не идёт, — сказал Ярим и сразу отпустил. — Прости.

Скрепу или цветку досталось это извинение, спросить не успели. Инспектор ударил по колышку, загоняя его глубже. Ярим едва отдёрнул пальцы.

— Коррекции мешают, — объявил Инспектор.

— Да, — сказала Ясна. — Мешают.

Она подняла свою дорожную палку. Ей совсем не хотелось снова оказаться на земле, как после встречи с Навязнем, но ждать следующего удара она тоже не собиралась.

Инспектор двинулся навстречу, прижав линейку к груди. Ясна выставила палку поперёк; линейка ударила по дереву, и у неё защипало ладони. Второй удар пришёлся ниже. Она отступила и увидела, как Инспектор, не глядя, переступил через собственную черту, лишь бы подойти ближе.

— Ярим, полоска! — крикнула она.

Ярим ухватился за серую полоску. Та не поддавалась: конец держал камень. Огонёк спрыгнул с плеча Скрепа и завис над колышком.

— Скреп, тут край! Под камнем!

Скреп поддел ногтем серый кончик. Инспектор резко обернулся и шагнул к нему. Ясна толкнула линейку палкой в сторону; Ярим подхватил край полоски, а Огонёк осветил узкую щель между ней и стеблем.

— Медленнее, — сказал Ярим. — Я держу.

Они потянули вместе. Полоска оторвалась от земли, сухо треснула у колышка и соскользнула с цветка. Инспектор снова поднял линейку. Скреп бросил оторванный конец ему под ноги; Инспектор наступил на него, запнулся и выронил линейку. Ясна выставила палку поперёк и теснила его, пока он не отступил за канаву.

Инспектор выпрямился на противоположной стороне. Несколько мгновений он стоял неподвижно, потом подобрал линейку и зашагал вдоль канавы, прочь от чайной. Черту за ним уже начинала закрывать трава.

Они дождались, пока он скроется за поворотом. Лишь тогда Ясна разжала пальцы. На ладонях отпечаталась шершавая кора.

Цветок всё ещё был пригнут к земле. Ясна присела рядом и потянулась его поправить, но Ярим придержал край оторванной полоски, оставшийся на стебле.

— Погоди, я сниму. А то снова зацепится.

Придерживая стебель, Ярим высвободил из-под серого края последний лепесток. Цветок дрогнул и приподнялся, хотя пока не до конца.

— Выпрямится? — спросила Ясна.

— Посмотрим, — сказал Ярим. Он положил полоску под камень, чтобы ветер не унёс её обратно на дорогу. — Может, ему понадобится время.

Огонёк опустился к цветку и посветил ему между листьями. Цветок не поблагодарил: возможно, был занят. У цветка, только что освобождённого от чужой линейки, вполне может найтись собственное дело.

Ясна поднялась и посмотрела вслед Инспектору.

— Зачем ему это понадобилось?

Скреп тоже смотрел на поворот.

— Он назвал это коррекцией.

— Я слышала. Но зачем?

— Пока не знаю.

Ясна хотела расспросить его ещё: он узнал Инспектора сразу. Но Скреп прижал руку к повязке, и ей показалось, что он устал сильнее, чем говорит. Она решила сначала добраться до чайной. До неё оставалось всего ничего — за шиповником уже виднелась калитка.

Сперва чай

Калитка открывалась внутрь, но это обнаружилось не сразу. Ясна потянула её на себя, а Ярим в ту же минуту толкнул от себя. Оба остановились.

— Возможно, калитка предпочитает, чтобы к ней обращались по одному, — сказал Скреп.

Пока они уступали друг другу место, калитка распахнулась сама. За ней стояла женщина с чайником в руке и смотрела на путников поверх пара.

— Заходите, пока он опять не закипел, — сказала она. — Я Отрада. Огонёк, ты сегодня с гостями?

— Они помогли клеверу. И цветку у дороги.

— Вот как. Тогда проходите все. Только обувь об коврик вытрите: я там траву разложила, не хочу вместе с ней пыль собирать.

Коврик лежал у самой двери; рядом на низкой скамье сушились пучки растений. В сенях пахло мятой, тёплым деревом и чем-то горьковатым. Из большой комнаты доносились голоса, звякала ложечка о чашку. Чайная оказалась обыкновенным домом с необыкновенным количеством чашек: они стояли на полках, висели за ручки над столом и даже занимали подоконник, оставив герани ровно столько места, сколько той было необходимо.

Отрада поставила чайник и заглянула в большую комнату.

— Крышку на горшке сдвиньте, пожалуйста, если вода пойдёт через край. Я сейчас вернусь.

Оттуда ответили, что сдвинут. Судя по голосу, обещание было дано с набитым ртом.

— А вы садитесь здесь. Что случилось с коленом?

— Я упала, — сказала Ясна. — Огонёк помог, уже лучше.

— Хорошо, что помог. Можно посмотреть?

Ясна закатала штанину. На колене темнел ушиб, рядом красовалась неглубокая царапина. Отрада принесла воду, промыла царапину и наложила чистую повязку. Ясна сначала хотела сказать, что это пустяки, но потом увидела, сколько пыли осталось на тряпице, и промолчала.

— Теперь твоя очередь, — сказала Отрада Скрепу.

Тот сел на край стола. Отрада не стала снимать его повязку, пока не спросила, можно ли. Под тканью крышечка слегка расходилась по трещине; свет внутри был ровным, хотя и неярким.

— Я не кузнец, — сказала она. — Могу закрепить, чтобы не задевало в дороге. А за настоящей починкой лучше к Грому: он с горном бывает на той стороне моста. Если не ушёл по делам.

— Этого достаточно, — ответил Скреп. — Благодарю.

Отрада нашла в ящике тонкий мягкий шнурок и укрепила им крышечку. Прежнюю полоску ткани она сложила и вернула Ясне.

— Пригодится ещё, когда выстираете.

Пока Отрада хлопотала у стола, Ярим помог ей снять с огня второй чайник. Тот оказался неожиданно тяжёлым и горячим; Отрада вовремя сунула ему сложенное полотенце. Они поставили чайник на подставку рядом с первым.

— Зачем два? — спросил Ярим.

— В одном вода, в другом настой. Если перепутать, получится очень крепко. Один раз Ворчун так выпил — потом полдня объяснял мне, что я неправильно заварила чай, который заварил он сам.

Огонёк засветился ярче.

— А ты что сказала?

— Что в следующий раз дам ему чашку побольше. Пусть объясняет подольше, раз ему нравится.

Ясна села у окна. Ей хотелось спросить всё сразу: про пустоту, Инспектора, дорогу, Скрепа и то, почему Огонёк знает Отраду. Но женщина расставляла чашки так уверенно, будто этот порядок был необходим не меньше ответов. Ясна дождалась, пока перед всеми расставят посуду. Огоньку досталось маленькое блюдце, Скрепу — чашечка на щербатом блюдце.

— Мы не знаем, где проснулись, — сказала она наконец. — И с нами что-то случилось. Я вижу утро, слышу вас, а внутри будто закрыто.

Ярим подвинул к себе чашку, но пить не стал.

— У меня тоже не всё на месте. Только я не уверен, что у нас с Ясной одно и то же.

Отрада села напротив. Она выслушала обоих, потом спросила, где именно они лежали и что успели заметить по дороге. Ясна рассказала о Навязне, Ярим — об Инспекторе и полоске на цветке. Скреп добавил, что видел следы чего-то похожего на Печать, но ещё не разобрался достаточно, чтобы говорить увереннее.

— Печать? — переспросила Ясна.

— Следы, — уточнил Скреп. — Саму её я пока не показал бы тебе пальцем.

Отрада не стала спорить с ним и не стала подтверждать то, чего не видела.

— Здесь Радушье, — сказала она. — А про тишину вашу я не возьмусь судить по одному рассказу. Попейте сперва. Потом дойдёте до деда Тишая, Смотрителя Родника. Он умеет слушать и знает о таких бедах больше меня. Дорога к нему неблизкая, зато по пути есть люди, у которых можно спросить.

— Ты не знаешь, как это исправить? — спросила Ясна.

— Сейчас — нет. Но колено мы обработали, крышечку Скрепу закрепили, а чай как раз настоялся. С остальным будем разбираться по дороге.

Она сказала это без торжественности, и Ясна вдруг заметила, что Отрада всё ещё держит в руке ложку. Вероятно, собиралась размешать мёд, когда разговор свернул к Печати.

Ярим первым попробовал чай. Тот обжёг ему язык, и он поставил чашку обратно с таким видом, будто именно так и собирался поступить.

— Горячий? — спросила Ясна.

— Очень наблюдательно.

Он старался сохранить серьёзный вид, но уголок рта дрогнул. Ясна поймала себя на том, что смотрит именно туда. Ярим заметил её взгляд, и оба почти одновременно опустили глаза к чашкам.

Она подула на свой чай и улыбнулась. Улыбка вышла маленькая, но на этот раз не потерялась по дороге к лицу. Ясна не стала проверять, надолго ли её хватит. Просто посидела с чашкой в руках, слушая, как за стеной кто-то просит ещё хлеба, а Отрада отвечает, что хлеб сам себя со стола не принесёт.

Когда чай кончился, Отрада показала им дорогу дальше: мимо старого дерева, затем к лугам. Рассказала и про Ворчуна, у которого можно спросить о дарах, и про Грома у моста. Огонёк заверил, что путь знает, хотя у старого дерева, признался он, ни разу не считал развилок.

— Тогда посчитаем вместе, — сказал Скреп.

— Можно и не считать, — заметил Ярим. — Сначала посмотрим, куда они ведут.

Отрада проводила их до калитки и на этот раз открыла её прежде, чем они успели договориться, кто будет первым. Ясна поблагодарила за чай и повязку; Скреп осторожно поклонился, придерживая крышечку. Огонёк обещал заглянуть снова и узнать, чем закончился спор Ворчуна с чайником.

— Заходите и вы, — сказала Отрада. — Здесь найдётся место передохнуть.

За калиткой Ярим оглянулся на дом. Из трубы снова поднимался дым, у окна покачивалась герань. Они ещё не знали всей дороги, зато теперь знали, куда можно вернуться.

Перо в дупле

За чайной дорога раздваивалась у дерева с пустым дуплом. Пустым оно показалось Яриму, который шёл первым. Огонёк заглянул внутрь и обнаружил, что Ярим поторопился: в глубине лежало пёстрое перо, а под ним поблёскивала монетка.

Монетку Ясна положила в карман, а перо вынула осторожно, за самый кончик.

— Чуткое, — сказал Скреп. — Пеструшкино.

— Ты её знаешь?

— Знаю перо. Видишь, как оно поворачивается?

Ясна повернула ладонь. Перо чуть заметно потянулось в другую сторону. Она попробовала ещё раз, и Огонёк рассмеялся:

— Не переупрямить!

В конце концов Ясна закрепила перо у воротника. Оно щекотнуло шею, и она вдруг увидела в траве возле пня тропинку. До этого она смотрела туда и видела только перепутанные стебли.

— Вот куда оно глядело.

— Может, сначала проверим ту дорогу, что показала Отрада? — предложил Ярим.

Тропинка казалась короткой. Они договорились дойти до пня и оттуда уже посмотреть; пень, к счастью, не возражал против такого назначения.

За ним открылась поляна. В узелке под корнями лежали гладкие камни с искорками внутри. Скреп пересчитал их — двадцать — и предложил беречь для общего дела. Ярим взял мешочек: у Ясны уже было перо, а у Скрепа хватало хлопот с крышечкой.

На краю поляны что-то вздохнуло.

Маленький серый комочек сворачивался так старательно, что дрожали листья вокруг. Ясна присела, но комочек тут же спрятал последний видневшийся глаз.

— Я лучше свернусь, — донеслось изнутри. — Так безопаснее для всех.

— Мы тебя не тронем, — сказал Ярим.

Они отошли к пню. Комочек остался лежать, а чуть дальше из-под лопуха выглянула белая пушистая мордочка. Это была другая обитательница поляны: она то пряталась, то выглядывала, явно желая знать, ушли незнакомцы или нет.

Ясна села на траву. Ярим сперва потоптался — ему казалось, что они и так задержались, — но потом устроился рядом. Скреп молча поправлял узел на своей повязке.

Белая мордочка приблизилась на два листа. Потом ещё на один.

— Мы идём к лугам, — сказала Ясна. — А ты?

— Пока сюда, — ответило существо и ткнуло лапкой в землю перед собой.

Огонёк освободил ей место на пне. Она забралась наверх и назвалась Пушинкой. Когда путники поднялись, Пушинка слезла следом.

— Я могу немного с вами пройти. Если не будете шуметь.

Комочек так и не развернулся. Ясна помахала ему с тропы, не ожидая, что он непременно покажется в ответ.

Кому страшно в кустах

У развилки Ясна хотела повести всех дальше, но перо задело её за подбородок. Из кустов донеслось:

— Не подходите… мне страшно.

Скреп замер с занесённой ногой, потом осторожно поставил её на прежнее место.

— Не подходим, — сказал он остальным.

Ярим наклонился к просвету между ветвями, не приближаясь. Там мелькал рыжий хвост, а над ним кружили чёрные точки. Они налетали со всех сторон; от каждого налёта куст вздрагивал.

— Перо, — тихо сказала Ясна. — Скреп, через него можно лучше увидеть?

Он помог повернуть перо. В просвете обнаружился лис, прижатый к старому корню Роем Сомневаков. Лис прикрывал морду лапой; чёрные точки били в неё, не давая поднять голову.

— Слева можно выйти к Рою, — сказал Ярим. — От лиса подальше.

Он первым обошёл куст. Ясна осталась у просвета, чтобы не потерять лиса из виду, а Огонёк и Пушинка двинулись за Яримом. Скреп подбирал длинную ветку: короткой пришлось бы махать слишком близко к рыжей спине.

Сомневаки налетели на нового противника, и Ярим зажмурился, прикрыв лицо рукавом. Пушинка юркнула в траву. Огонёк метнулся к Яриму, Ясна ударила веткой поперёк тёмного вихря. Несколько точек рассыпались, но остальные повернули на неё.

— Ниже! — крикнул Скреп.

Она присела. Его ветка прошла над головой и сбила край Роя. Ярим отвлёк Сомневаков от корня. Путники теснили Рой к просвету над канавой, пока вихрь не стал рыхлым и не распался на отдельные бледнеющие точки.

Лис не выбежал им навстречу. Он сидел, прижав уши, и всё ещё просил не подходить.

— Хорошо, — сказала Ясна, хотя ей очень хотелось проверить, целы ли его лапы.

Они оставили ему выход к лугу и вернулись на дорогу. Ярим подобрал у канавы четыре сверкающих камешка и добавил к запасу. На листе рядом теплилось Вдохновение; Ясна приняла его на ладонь, но возвращаться в кусты уже не стала.

Пушинка догнала их за поворотом. Она ничего не рассказала о том, где пряталась, и никто не стал выяснять. Чуть позже вдоль дороги мелькнул рыжий хвост. Лис шёл поодаль, выбирая собственное расстояние.

Колокольчик Звенько

Пастушок сидел на ограде и звонил в маленький колокольчик. Он делал это так тихо, что звон был слышен лишь в промежутках между порывами ветра.

— Ласточка! — позвал он, выждал и снова звякнул.

Ясна посмотрела вверх.

— Она не там, — сказал пастушок. — Тёлочка моя. В клеверный лог ушла, а там колышки. Я Звенько.

Ярим попросил показать, как Звенько зовёт Ласточку. Пастушок ещё раз качнул колокольчиком, протянул пустую ладонь и объяснил, что Ласточка подходит сама, если не торопить.

Лог оказался недалеко. Тёлочка стояла среди натянутых верёвок; одна обвилась вокруг ноги. При виде путников она попятилась, и верёвка впилась глубже.

Ярим сразу сел. Ясна остановилась рядом со Скрепом, а Огонёк приглушил свой свет, чтобы не мелькать перед глазами. Ярим позвонил одолженным колокольчиком. Звук получился грубее Звенькиного, но Ласточка перестала пятиться.

— Давай я, — предложила Ясна.

Она держала колокольчик легко, одними пальцами. Через несколько попыток звон стал мягче. Тёлочка потянулась носом к её ладони. Ярим подполз сбоку и ослабил верёвку; Скреп удержал колышек, чтобы тот не качнулся обратно.

Когда нога освободилась, Ласточка тяжело выдохнула прямо Ясне в лицо. Та зажмурилась и засмеялась: дыхание было травяное, влажное и совершенно неприлично близкое.

Звенько всё ещё ждал на ограде, когда они вернулись. Ласточка толкнула его в плечо, и он обнял её за шею, не успев слезть.

Он дал Яриму рукавицы — ладони у того покраснели от верёвки — и несколько монет на дорогу. Колокольчик Ясна вернула с сожалением.

— Ты приходи, — сказал Звенько. — Позвенишь ещё. Только не тогда, когда она спит: прибежит, обидится, что зря разбудили.

Общая тропа

Дальше на лугу стояли двое. Серый Инспектор держал планку поперёк дороги, а Межевой Счётчик переставлял колышки так, что свободного места становилось всё меньше.

— Отметка о принадлежности, — потребовал он.

— Куда? — спросил Ярим.

— К установленному участку.

Ясна показала на траву, примятую между колышками.

— Тут же все ходят. Мы только что Ласточку проводили — теперь как обратно?

Планка опустилась перед самым её носом. Скреп дёрнул Ясну за рукав. Ярим подхватил планку снизу, но Инспектор навалился на неё, и руки Ярима опустились под нажимом.

— Подержи!

Ясна подсунула свою палку под другой конец и нажала. Планка поднялась над колышками. Скреп выдернул ближайший колышек и отбросил с дороги, затем взялся за следующий.

Пушинка отпрянула от стука. Колышек катился к её лапам; она прижала его и уволокла в траву. За следующим вернулась сама, дождавшись, пока планка поднимется. При новом ударе Пушинка снова попятилась, но добычу не выпустила.

Межевой замахнулся тяжёлым мерным шестом. Огонёк успел предупредить Ярима, и удар ушёл в землю. Ясна толкнула поднятую планку вперёд. Инспектор отступил. Счётчик попытался загородить проход заново, но у него уже не осталось целой ограды, на которую можно было опереться. Путники оттеснили обоих с тропы и прошли, не дав сомкнуть заграждение за своей спиной.

За лугом дорога пошла к садам. Ярим долго нёс рукавицы в руке и только потом надел. Они оказались чуть великоваты, зато защищали пальцы от верёвок и кольев.

У садового камня сидел Сомневак-одиночка. За ним краснела маленькая Искра Пламенника.

— Точно нужно? — спросил Сомневак. — А если ошибётесь?

Ясна перевела дух. Ей хотелось ответить, что точно, но она ещё не знала, для чего нужна Искра.

— Посмотрим, — сказал Ярим.

Ясна присела, не протягивая руки к Искре. Трава вокруг неё была сухая, хотя под самим камнем ещё блестела роса.

— Греет, — сказала она. — Как взять, я пока не знаю.

Скреп потянулся за платком. Сомневак бросился вперёд. Ясна вскинула палку, но он юркнул под неё и ударил Скрепа в бок. Пришлось отступить от камня. Ярим развернулся вслед за Сомневаком; тот уже обегал их с другой стороны.

— Справа! — крикнул Скреп.

Ясна прикрыла его палкой. Сомневак отпрянул прямо к Яриму, и тот отбил нападение. Серая фигура распалась у самого камня. Ясна снова присела у камня. Скреп расправил свободный край платка, и она подхватила Искру через ткань. Даже так было горячо.

— У мастера спросим, во что положить, — сказала она. — Иначе мешок прожжёт.

Пока несли свёрток отдельно.

На камне осталось несколько монет. Скреп убрал их в общий кошелёк, а Огонёк подобрал у ствола ещё одну тёплую искорку Вдохновения. Впереди скрипнула садовая калитка.

— Если к Антоновне, заходите! — позвали из-за неё. — Только калитку придержите: яблоки раскатаются.

Три корзины

Антоновна стояла посреди сада, опираясь на длинную палку с крючком. Палкой она ловко подтянула к себе скамейку, села и указала на яблоки под деревьями.

— Пироги нужны, а спина не гнётся. Три корзинки поставила. Одну здесь, вторую у ручья, третью под дальними яблонями. Возьмётесь?

Ясна уже поднимала первое яблоко. Антоновна велела осмотреть его с другой стороны: там оказалось тёмное мягкое пятно.

— Это отдельно. Вон туда, к ограде. Хорошее в корзину, сомнительное покажете мне.

Ярим поставил корзину на землю. Он сперва пытался носить её за ручку, одновременно собирая яблоки, но она била по колену. Теперь работа пошла быстрее. Ясна собирала яблоки в высокой траве, Ярим поворачивал каждое к свету, а Пушинка выкатывала из-под корней те, до которых не могли добраться остальные.

— А если всё равно сгниёт? — пискнуло с ветки.

Там сидел Сомневак. Рядом дрожала Тревожка и всякий раз, когда поднимали яблоко, спрашивала, не червивое ли оно.

— Это проверили, — сказал Ярим, показывая целый бок.

Сомневак спрыгнул прямо на корзину. Ясна прикрыла яблоки рукавом, и тут Тревожка вцепилась ей в запястье. Скреп поддел её палкой и сбросил в траву. Пока Огонёк грел оцарапанную руку, Ярим отступал к ограде: Сомневак прыгал следом, заставляя его то и дело закрывать лицо.

Тревожка снова потянулась к корзине. Ясна перехватила палку здоровой рукой и отбила Тревожку в сторону. Скреп преградил ей путь обратно. Теперь Сомневак и Тревожка налетали поодиночке; вскоре у ограды закружились только сухие листья.

Антоновна поднялась навстречу, но Ясна попросила её сесть: корзину они донесут сами.

— Эту донесёте, — согласилась садовница. — Только ручку снизу поддержите. А потом ещё две.

До ручья спускалась узкая тропка. У воды лежал тёплый узелок для путников, несколько монет и камешков. Скреп осмотрел ткань, а Ярим добавил находку к общему запасу. Огонёк собирал рассыпанные по траве искорки Вдохновения. Пушинка сидела у второй корзины и караулила яблоко, которое норовило скатиться в ручей.

Когда корзину наполнили, Ясна захотела поднять её одна. Она и подняла — только идти не могла: за полной корзиной не было видно, куда ставить ноги. Ярим взялся с другой стороны. Так они и вернулись к дороге, боком и в ногу, а Скреп шёл впереди и объявлял каждый корень.

Антоновна приняла вторую корзину и попросила оставить её в тени.

— Последняя дальше. Отдохните по дороге, там Ворчун под орешником. Если начнёт учить, слушайте. Только не давайте ему нести корзину: потом два дня будет говорить, что вы ему все лапы оттянули.

Ворчун выбирает место

Барсук сидел на пеньке и чинил ремень. Он поднял глаза, когда путники подошли, и первым делом спросил, почему у Ясны расцарапано запястье.

Рассказ получился долгим: прежде чем добраться до Тревожки, Ясна успела упомянуть Навязня и цветок. Ворчун выслушал, не переставая протягивать ремень через пряжку.

— А дар свой пробовала?

— Радость выбрала. Всё жду, когда ладонь потеплеет, а она не хочет. Пока Огонёк за меня.

— Огонёк тоже устаёт. Лапу дай.

Он положил перед ней свою широкую ладонь. На подушечке была старая трещина, забитая засохшей землёй.

Ясна раскрыла руку и стала ждать тепла. От ожидания пальцы только напряглись.

— Я ничего не умею, — сказала она.

— Кулак-то сжать умеешь. А теперь разожми.

Ярим отвернулся, чтобы не мешать, и занялся ручкой корзины: та разлохматилась. Ворчун ждал. Ясна посмотрела на трещину, в которой темнела земля. Наверное, всякий раз, когда Ворчун тянул ремень, края расходились.

— Вот здесь? — спросила Ясна.

Барсук кивнул. Она осторожно приложила ладонь рядом с трещиной. Тепло появилось не сразу, совсем слабое. Ясна уже хотела сказать, что опять не выходит, но Ворчун пошевелил пальцами.

— Полегче. Пока хватит.

Она отняла руку. Трещина осталась, хотя края стали мягче.

— Она не прошла.

— Старая. Её ещё мыть надо. Зато ремень закончу.

Ворчун попросил Ярима показать рукавицы, осмотрел швы и велел не затягивать завязки на запястьях слишком туго: от этого пальцы быстрее устают. Ярим ослабил узел. Поучение оказалось коротким и очень кстати, чего от Ворчуна, судя по рассказу Антоновны, никто не ожидал.

Ива

За орешником стояла Ива. Вокруг неё было прохладно, хотя солнце ещё не ушло. Ветки почти касались земли, но ни один лист не шевелился.

Скреп обошёл ствол и остановился.

— Если отвести ветви от воды, они…

— Подожди, — сказал Ярим. — Она что-то говорит.

Скреп замолчал. Сперва Ясна слышала только ручей, потом различила тихий скрип. Слова шли медленно, с такими паузами, что хотелось подсказать окончание.

Ива рассказывала о тех, кто раньше сидел под её ветвями. Об одном человеке с мокрыми сапогами, который развешивал на сучках носки. О двух маленьких соседях, споривших из-за места на корне. Ясна ждала рассказа о большой беде, но Ива всё вспоминала носки, камешки в воде и недоеденный кусок хлеба.

— Теперь никто не садится, — сказала она наконец. — Проходят. Я слышу шаги и держу ветви ещё ниже, чтобы остановились. А они обходят.

Ясна огляделась. Под низкими ветками действительно было трудно пройти. Она едва не предложила поднять их, но Ива снова заскрипела, и Ясна осталась на месте.

— Я помню, как тут было. Всё помню. А сделать…

Голос оборвался. Ярим снял пустую корзину со спины и сел на сухой корень. Ясна устроилась рядом. Скреп посмотрел на воду, потом уселся на камень. Огонёк грел ему бок, а Пушинка уснула, не дождавшись конца рассказа.

Сколько они просидели, никто не считал. Ива успела вспомнить ещё одно утро, и Ясна узнала, что носки тогда так и не высохли: начался дождь. Она засмеялась, Ива тихо зашелестела. Один лист дрогнул над водой. Потом другой.

У корней поднялось тонкое существо с зелёными пальцами. Оно встряхнулось, как потряхивают затёкшей ногой.

— Ветка, — сказала Ива. — Ты проснулась.

— Я давно. Просто ты рассказывала.

Ветка посмотрела на пустую корзину.

— А вы куда?

— За яблоками, — ответил Ярим. — Потом к мосту.

— Я пойду с вами. Хочу узнать, кто теперь сидит дальше по дороге.

Ива подняла две ветви над тропой. Под ними открылась сухая площадка, где можно было оставить ношу и передохнуть. На прощание она ещё что-то сказала о человеке с мокрыми сапогами; Ясна наклонилась, чтобы расслышать. Голос оставался тихим. Но путники едва успели отойти, как Ива окликнула прохожего и предложила ему место на корне.

То, что греется под корнями

В орешнике Скреп нашёл несколько монет. Ярим подобрал четыре магических камня, а Ясна — Вдохновение возле пустой скорлупки. Ветка старательно показывала им боковую тропу, потом сама ошиблась поворотом и вывела всех к тому же кусту.

— Я же говорила: хочу узнать, — заметила она, когда Скреп поднял брови.

Из-за куста выскочил Пламенник.

Он успел зарычать и замахнуться, прежде чем разглядел Ветку. Та отпрянула, Пламенник резко остановился, и в траву посыпались горячие искры.

— Прости. Я увидел, что тут кто-то… — Пламенник оглянулся на куст, из которого выскочил. — А уже замахнулся.

— На нас? — спросил Ярим.

— Да я вас ещё не разглядел! — Пламенник вскинул руку и тут же опустил. — Вот. Опять.

Ясна развернула платок с найденной Искрой. Пламенник склонился над ней.

— Хорошая. Только голыми руками не хватайте.

— Мы заметили, — сказал Скреп.

— Можно с вами? — спросил Пламенник.

— Чтобы опять бросаться? — Ветка не подходила ближе.

— Я бы хотел успеть заметить. До того, как… — Он поглядел на руку.

Ветка подумала и попросила хотя бы предупреждать, если успеет.

Дальше дорогу перетянула Петля Тоски. Она держалась за два ствола, и каждый раз, когда путники пытались пройти, опускалась ниже и затягивалась.

— Всё равно не заметят, — шептала она. — Можно остаться.

Пламенник шагнул первым, но Петля обвилась вокруг его ноги. Он дёрнулся и вспыхнул. Огонёк отлетел от жара; Ясна оттянула край Петли палкой, а Ярим освободил Пламеннику

ногу. Они отбивали её выпады, пока нити не поредели. Петля отступила от дороги и рассеялась между стволами.

Пламенник долго стоял неподвижно.

— На неё я разозлился, — сказал он наконец. — Когда держала.

Ветка не ответила. Она вытаскивала из травы выпавший пряник в дорожной обёртке. Его положили в корзину: до Антоновны оставалось немного, а есть хотелось всем.

Последняя корзина

Под дальними яблонями белел иней. Ясна сперва приняла его за паутинку, но Ветка коснулась листа и отдёрнула пальцы.

Третью корзину наполнили молча. Холодные яблоки пришлось вытирать рукавом. Ярим добавил к запасу найденные возле корня камешки; Пламенник не подходил к стволам слишком близко, чтобы не опалить кору.

Они вернулись к Антоновне прежде, чем солнце стало клониться к садовой ограде. Садовница поставила третью корзину рядом с двумя первыми, проверила сомнительные яблоки и отправила часть к компостной куче.

— Теперь можно печь, — сказала она.

Услышав про иней, Антоновна перестала перекладывать плоды.

— До дальних добралось. Я утром там ещё босиком ходила.

Она достала со скамьи плотную скатерть и дала Ясне.

— Самобранка. В дорогу берите. Только яблоки всё равно собирать приходится: пироги сама за меня не печёт.

Они поели хлеба с нарезанными яблоками. Пряник поделили, Пушинке достался край с особенно толстой глазурью. Антоновна обещала разнести пироги ребятне вечером. Ясна вызвалась помочь с печью, но та уже повязала другой передник и выгнала всех отдыхать от её яблок.

Перед уходом Ясна рассказала про треснувшую ветку у начала дороги. Антоновна знала ту яблоню и сказала, что сосед пройдёт туда с подпоркой. Ясна попросила не забыть, а потом сама удивилась, как крепко держала всю дорогу эту ветку в мыслях.

На выходе из садов калитка не поддалась. С той стороны в неё упирался Садовый Заморозень, а Петля Смущения обвилась вокруг петель. Ярим взялся за засов и охнул: пальцы свело от холода.

Пламенник оттеснил Заморозня от створки. Петля хлестнула через ограду; Скреп подставил палку, а Ветка стянула с неё бледную нить. Ясна присела рядом с Яримом. Огонёк согрел

ему пальцы, и она приложила ладонь следом. Слабое тепло на этот раз удержалось. Ярим осторожно пошевелил пальцами и поднял засов.

Когда проход освободился, Заморозень отступил вдоль ограды. Петля рассыпалась на мелкие бледные завитки. Путники не стали преследовать их. На дороге уже виднелся мост.

Мост Гуни

— Стой! Кто идёт?!

Смотритель так громко крикнул, что Огонёк спрятался за Яримову шею. Сам смотритель вздрогнул, посмотрел через плечо и только после этого заметил путников.

— Простите. Это я опять. Гуня меня зовут.

Он стоял возле перил, сжимая длинную жердь. Под мостом бежал неглубокий поток. Доски выглядели крепкими, у берега лежали свежие обрезки.

— Мост держит? — спросила Ясна.

— Держит. Проверял. Вон доску заменил. Ещё раз проверял. — Гуня погладил жердь. — А тревога приходит.

Ярим посмотрел на обрезки. Ему хотелось поскорее перейти, но он помнил, как серая полоска держала цветок, хотя казалась совсем тонкой.

— Покажешь, где проверял?

Гуня охотно показал крепления и новую доску. Он знал свой мост вдоль и поперёк; рассказывая, даже перестал стискивать жердь. Но стоило Ясне занести ногу над первой доской, как пальцы снова сжались.

— А как ты пропускаешь людей, когда так? — спросила она.

— Прошу по одному. Сам встаю тут. Если мост проверил и знаю, что держит, говорю: идите. Иногда голос не очень слушается.

Он встал у перил. Ясна прошла первой, потом Скреп и остальные. Ярим задержался на середине, чтобы проверить узел ремня, и Гуня негромко попросил не стоять без нужды. Ярим кивнул и дошёл до берега.

У дальнего конца Гуня выдохнул, словно сам перенёс всех на руках.

— Спасибо, — сказала Ясна.

— За что? Вы же сами шли.

— За мост, — ответил Ярим.

Это Гуня понял сразу. Он даже осмотрел перила с некоторым удовольствием.

Горн и птичьи новости

Гром работал под навесом возле переносного горна. Он не поднял головы, пока не доковал маленькую скобу, потом опустил её в воду. Ведёрко зашипело. Пушинка метнулась в сторону и присела прямо на землю: корзины, за которой она пряталась в саду, здесь уже не было. Ветка заслонила её листьями.

— Показывайте, что нашли, — сказал Гром.

Ясна выложила перо, Искру и скатерть. Ярим снял рукавицы. Скреп объяснил про крышечку и попросил лишь осмотреть крепление. Гром посмотрел шнурок, подтянул его, подложил мягкую прокладку и предупредил, что чинить треснувшую крышечку наскоро не станет.

— Это не подкова. Пока держит, не будем лезть туда, в чём не разобрались.

Скреп придерживал крышечку, пока Гром затягивал последний узел. Под пальцами было тепло. Он отошёл от горна к краю навеса и проверил ещё раз: тепло осталось.

— Что? — спросила Ясна.

— Здесь греется. Прежде не замечал.

Он показал на свет под трещиной, но открывать крышечку не стал.

Гром велел хранить Искру подальше от ткани, а Пламенник помог уложить её в маленькую глиняную чашечку. Гром предложил сперва решить, чем путники действительно пользуются, и лишь потом тратить запас на улучшения. Скреп проверил мешочек с камнями и завязал снова: пока ничего перековывать не стали.

Над навесом хлопнули крылья.

— Нашли! — закричала пёстрая птица. — Всё-таки нашли!

Она села прямо над Ясной и склонила голову к перу.

— Я Пеструшка. Хорошо сидит. Только поверни чуть вбок, а то нос щекотать будет.

Ясна спросила, не нужно ли вернуть находку. Пеструшка сказала, что оставила её в дупле для того, кто заметит, и потребовала рассказать, куда перо уже привело.

Рассказ о луге она слушала внимательно, перебивая только тогда, когда хотела уточнить поворот. Услышав про лиса, перелетела на другой край навеса и посмотрела на дорогу, но никого не позвала.

— На знакомом пути каждый день что-нибудь находится, — сказала она. — Будете возвращаться, заглядывайте. Могу показать, где искать. Если захотите.

Гром укладывал остывшую скобу в ящик, когда Огонёк вернулся от тропки на старую пасеку и позвал остальных. Возле ульев стоял дорожный узелок. В нём были монеты и Вдохновение; ещё несколько искорок светились в траве. Пока Скреп собирал находки, Огонёк заглянул в один леток, потом в другой. Из ульев никто не вылетел.

— Клевер всё равно цветёт, — сказал он.

Обратно они вернулись той же тропой. Пеструшка показала, где дорога снова выходит к реке. Указатель возле неё покосился, и Ветка поправила его, прежде чем идти дальше.

Цель прохода

Дознаватель стоял так прямо, что поначалу Ясна приняла его за столб у дороги. Потом столб повернул голову.

— Назовите цель прохода. Точность — залог порядка.

Ясна указала вперёд.

— Ищем Тишая. Хотим узнать, что с нами случилось. И помочь тем, кого здесь заморозили.

— Ненормативная цель. Проход приостановлен Уставом.

Скреп перестал перебирать монеты в кошельке.

— Что за Устав? — спросил Ярим.

— Основание порядка. Исполнение обязательно.

Дознаватель двинулся вперёд. Он не размахивал оружием понапрасну: каждый выпад заставлял кого-нибудь отступить туда, где следующий удар было труднее встретить. Пламенник встал рядом с Яримом. Ветка отвела Пушинку к изгороди, Огонёк держался за плечами тех, кто принимал удары. Скреп искал промежутки между выпадами и коротко подсказывал: сейчас, левее, назад.

Удар пришёлся Ясне по палке; она едва удержала её. Пламенник оттеснил Дознавателя, но сам пошатнулся. Ясна прижала ладонь к его плечу. Оттуда жарило сильнее, чем от её собственного дара; всё же дыхание Пламенника выровнялось.

Дознаватель снова поднял руку, медленнее прежнего. Их сопротивление истощило его, и между ударами стали слышны отдельные слова.

— Цель… требуется…

Ярим приготовился отбить следующий выпад. Ясна попросила подождать, оставаясь за его плечом.

— Ты сам куда хотел пройти?

Ответом был удар. Ярим подставил палку; от толчка у него подогнулись локти. Ясна отшатнулась и отступила ещё дальше.

Они остановили ещё один натиск. Когда Дознаватель опустился на колено, Скреп тихо сказал, что теперь можно попробовать снова. Ясна не приблизилась.

— Ты так держишь дорогу. Раньше тебе самому нужно было куда-то идти?

Дознаватель долго молчал. На его плечах треснула тонкая корка инея.

— Решился, — выговорил он. — Я тогда… решился. А потом остался держать.

Он посмотрел на вытянутую руку, будто впервые заметил, что она всё ещё загораживает проход. Медленно отвёл её.

Ярим не сразу опустил палку. Дознаватель поднялся сам и отступил с дороги.

— Я пойду, — сказал он. — Если позволите. Хочу увидеть, куда она ведёт.

Ясна посторонилась, освобождая ему место на тропе. Сама шла в нескольких шагах; Ярим время от времени оглядывался и палку не убирал. Скреп молчал. Он так и нёс кошелёк, зажав горлышко в кулаке; свободные завязки волочились по траве.

Колесо Жернова

Мельник встретил их на берегу с мокрым багром. Он успел промочить рукава и рассердиться, но колесо за его спиной оставалось неподвижным.

— Вода идёт, — сказал Жернов. — А лопасти облепили Тревожки. Гоню, только громче шумят.

Скреп попросил его показать, где можно подойти с берега. Ярим проверил мостки, и они спустились к колесу. Вода била в застрявшие лопасти. Между ними дрожали тёмные сгустки, бормоча о запруде, которая вот-вот прорвётся.

Ясна потянулась к ближайшему, но Жернов окликнул: если колесо пойдёт, руку затянет. Она отдёрнула пальцы и отступила на сухую доску.

Ярим и Пламенник сбивали Тревожек с внешнего края. Скреп направлял, не давая подставиться под лопасти; Дознаватель по его просьбе удерживал натиск Навязня, зацепившегося ниже остальных. Огонёк оставался на мостках возле Ясны. Они рассеивали сгустки по одному, и наконец колесо дёрнулось. Последняя Тревожка сорвалась в брызги, вода загрохотала между лопастями.

Жернов улыбнулся, когда колесо пошло, и уже открыл рот, но из мельницы донёсся сухой стук. Улыбка пропала. Мельник перехватил багор и посмотрел вслед воде.

Ярим взялся за ремень мешочка.

— Подожди, — сказал Жернов. — Я вам не всё показал.

Он отвёл их внутрь и присел возле жёрнова. Провёл пальцем вдоль трещины, потом убрал руку.

— Колесо пустили. Спасибо. А молоть пока нечем. Я думал, сначала с водой управлюсь, а там… Пятнадцать Камней нужно на новый.

Он поднял глаза на Скрепа и дождался ответа.

Ярим снял мешочек. Скреп пересчитал камни: хватало. Они передали пятнадцать, а остаток убрали обратно. Жернов ещё раз пересчитал полученное и выпрямился.

— Теперь схожу договорюсь. Скажите у моста: жёрнов заменю — будет мука.

Он оставил путникам монеты на дорогу, поставил багор сушиться и пошёл за шапкой.

Ясна ещё постояла возле колеса. Ей нравилось, что оно действительно крутится, даже когда никто на него не смотрит.

Поляна Улыбок

От мельницы они пошли назад до развилки, чтобы передать Гуне весть. Он как раз запирал ящик с инструментами. Сменить его пришёл сосед; Гуня попросился с путниками до Плёсов, где хотел посмотреть другой мост.

На развилке перо потянулось к просвету между деревьями. Основная дорога к Тишаю шла правее. Они прикинули, успеют ли зайти на поляну, и решили сначала осмотреть её, а потом вернуться к развилке.

Там было светло от низких цветов. Между ними лежали монеты и магические камни, а Вдохновение теплилось на широких листьях. Пушинка складывала найденное в мешочек, Ветка держала его раскрытым.

У дальнего края снова зашепталось знакомое «а вдруг». Ясна с досадой подняла палку: ей казалось, здесь уж точно дадут спокойно пройти. Ярим подошёл рядом. Навязень бросился между ними, и пришлось вспомнить то, что помогло на лугу: разделить спутанные пряди, удержать их порознь, не дать им собраться в новый клубок. На светлой траве они были заметнее.

Когда Навязень рассеялся, Ясна села прямо на землю, слишком сердитая для поляны с таким названием.

Огонёк устроился возле неё.

— Я думала, тут будет легко, — сказала она.

— Тут красиво, — ответил он. — Я про легко не знал.

На самом дальнем пне лежал тёплый осколок. Скреп различил в нём Радость, но не смог сказать, откуда он откололся. Ясна расправила на коленях полоску ткани, выстиранную у мельницы, и завернула находку. Свет просвечивал сквозь ткань; она сложила свободные концы ещё раз и убрала свёрток поглубже, чтобы не выскользнул.

Обратно они шли мимо тех же цветов. Гуня задержался возле мелкого ручья, проверил камни под ногами и перешёл. К сумеркам они снова вышли на основную дорогу.

Что держала Петля

Дед Тишай сидел у края тропы. Его глаза смотрели чуть мимо, но голову он повернул прежде, чем Ясна поздоровалась.

Он выслушал рассказ об Иве и спросил, дождались ли они конца. Скреп ответил, что конца у воспоминаний не было, зато Ива сама подняла ветви и предложила место прохожему.

— Впереди другое чувство, — сказал Тишай. — У него теперь много силы. Оно вас к себе просто так не подпустит.

— У Дознавателя тоже было так, — сказала Ясна.

Тот стоял позади и не вмешивался.

— Значит, знаете, как близко пускает, — сказал Тишай. — Петля сейчас и слова не дослушает. Берегитесь. А стихнет — попробуйте спросить.

— Тогда ответит?

— Этого я тебе не обещаю.

Тишай показал посохом на тропу. За низкими деревьями лежала Матёрая Петля Обиды.

Они могли ещё отдохнуть. Ярим развязал скатерть, проверил рукавицы, предложил всем воды. Пламенник сел отдельно, чтобы остыть; Дознаватель оставался у дерева. Никто не гнал их вперёд. Только за деревьями что-то тихо скрипело, и Ясна всё время прислушивалась.

Когда они подошли, Петля взвилась над тропой.

— Опять! Все сначала помогают, а потом забывают!

Ясна едва успела заслониться. Удар вырвал палку из рук. Ярим подхватил её, а Пламенник с Дознавателем отвели следующий натиск в сторону. Ветка увела Пушинку за камень и вернулась к Огоньку: на тесной тропе всем сразу было не развернуться.

Обещать, что они никогда никого не забудут, было бы легко. Ясна открыла рот — и промолчала: вспомнила ветку, о которой уже попросила другого человека, и лиса, которого не видела с самого луга.

Петля снова сомкнулась. Гуня отступил к сухому дереву, крепко держась за посох; Ярим вытащил из-под удара Скрепа. Огонёк помог ему подняться. Ясна согрела ушибленную руку Ярима, пока Пламенник прикрывал их.

Нити становились тоньше. Ярим уже мог удержать палку поперёк тропы, не отступая после каждого удара. Скреп указал Ясне на просвет за камнем; отсюда она видела Петлю, а нити не доставали до её ног.

— Я здесь, — сказала она. — Не знаю, что с тобой случилось. Могу послушать сейчас.

— Сейчас, — повторила Петля. — А потом?

Ясна молчала. Ярим стоял рядом, опираясь на палку. Дознаватель опустил руку, но не отвернулся.

Первой попытки не хватило. Петля дёрнулась, и они снова встретили её удар. Скреп упал на колено; Ветка помогла ему отойти. Ясна дождалась, когда движение стихнет, и сказала:

— Я не знаю про потом. Сейчас мы остаёмся.

Петля заскрипела. В этом скрипе постепенно проступили слова: её звали, когда была нужна помощь, а после проходили мимо. Один голос смешивался с другим, и нельзя было разобрать, когда всё началось. Ясна слушала, не подсказывая имени виноватого. Ярим сел на камень. Пламенник отступил, чтобы не мешать жаром.

Наконец одна нить отпустила другую. Внутри разомкнувшейся Петли показалось маленькое существо с опущенными руками. Оно смотрело на свои пальцы, будто не верило: можно больше ничего не держать.

— Кажется, отпустила, — сказало оно.

Огонёк приблизился, но остановился, ожидая. Существо протянуло к нему ладонь.

Тишай пришёл с водой, когда они уже сидели у дороги. Маленькое существо всё смотрело на свои руки. Старик поставил перед ним кружку и подождал, пока оно возьмёт её, потом помог удобнее устроиться у камня. Позже, когда все поднялись, маленький спутник тоже встал. Ясна спросила, хочет ли он идти; тот кивнул. Имя ещё предстояло узнать.

Дорога остаётся

За деревьями начинался туман. Ветка собрала с края тропы несколько магических камней и передала Яриму: мешочек стал легче после мельницы, и она уже привыкла его пополнять.

— Сумеречные Плёсы, — сказал Скреп.

Ясна оглянулась. Отсюда не было видно ни чайной, ни Ивы, ни сада. Но дорога, по которой они пришли, оставалась под ногами: можно было пройти обратно, не придумывая её заново.

— У Отрады, наверное, уже пироги, — сказала она.

— Антоновна обещала разнести, — напомнил Ярим.

Он поправил ремень мешочка и посмотрел в туман. Гуня стоял рядом; его тревога дошла сюда вместе с ним, как и жердь, которую он не захотел оставлять у первого моста.

Скреп хотел что-то добавить об Уставе, но пока только придержал крышечку. Ясна заметила это. Она не забыла вопроса, просто не стала задавать его на самой границе.

Огонёк слетел с плеча и повис над тропой. В его свете были видны первые несколько шагов. Ярим ступил рядом с Ясной, и они вошли в туман вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.